

Известия Российской академии наук

СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

Том 81 № 4 2022 Июль—Август

Основан в 1852 г. академиком И.И. Срезневским
Выходит 6 раз в год
ISSN 1605-7880

Свидетельство о регистрации средства массовой информации № 0110264 от 08.03.1993

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук*

Главный редактор
член-корр. РАН, д-р филол. наук *В.В. Полонский* (ИМЛИ РАН, г. Москва, Россия)

Редакционная коллегия

член-корр. РАН *В.Е. Багно* (ИРЛИ РАН, г. Санкт-Петербург, Россия), проф. *Хенрик Баран* (Университет Олбани, г. Олбани, штат Нью-Йорк, США), член-корр. РАН *Ю.Л. Воротников* (ИРЯ РАН, г. Москва, Россия), проф. *Марчелло Гардзанини* (UNIFI, г. Флоренция, Италия), канд. филол. наук *С.И. Гиндин* (РГГУ, г. Москва, Россия), член-корр. РАН *А.В. Дыбо* (ИЯз РАН, г. Москва, Россия), д-р филол. наук *А.И. Жеребин* (РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия), д-р филол. наук *Т.Г. Иванова* (г. Москва, Россия), акад. РАН *Н.Н. Казанский* (ИЛИ РАН, г. Санкт-Петербург, Россия), д-р филол. наук *В.Л. Коровин* (научный редактор, МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия), д-р филол. наук *Л.П. Крысин* (зам. главного редактора, ИРЯ РАН, г. Москва, Россия), акад. РАН *А.Б. Куделин* (ИМЛИ РАН, г. Москва, Россия), акад. РАН *А.М. Молдован* (ИРЯ РАН, г. Москва, Россия), канд. филол. наук *А.Ч. Пиперски* (ответственный секретарь, НИУ ВШЭ, г. Москва, Россия), акад. РАН *В.А. Плунгян* (ИЯз РАН, г. Москва, Россия), проф. *Александр Строев* (l'Université Sorbonne Nouvelle Paris 3, г. Париж, Франция), акад. РАН *С.М. Толстая* (ИСл РАН, г. Москва, Россия), д-р филол. наук *Е.В. Халтрин-Халтурина* (ИМЛИ РАН, г. Москва, Россия), проф. *Герд Хентшель* (Ольденбургский университет им. Карла фон Осецкого, г. Ольденбург, Германия), проф. *Чжэн Тиу* (Шанхайский университет иностранных языков, г. Шанхай, КНР)
Зав. редакцией О.И. Лукашенко

Адрес редакции: 117993 Москва, Ленинский пр., 32а
тел.: 8-495-952-44-90, 8-925-095-84-64
электронная почта: info@izv-oifn.ru, lukashenko97@gmail.com
Сайт журнала: <https://izv-oifn.ru>

Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk
SERIÂ LITERATURY I ÂZYKA

**Bulletin of the Russian Academy of Sciences:
Studies in Literature and Language**

Volume 81 No. 4 2022 July–August

Established in 1852 by Academician Izmail I. Sreznevsky
Publication frequency 6 issues per year
ISSN 1605-7880

Founder and Publisher: Russian Academy of Sciences
Mass media registration certificate No. 0110264, March 08, 1993

*The Journal is produced under the aegis of
The Division of Historical and Philological Studies of the Russian Academy of Sciences*

Editor-In-Chief

Vadim Polonsky, Correspondent Member of the RAS, Doct. Sci. (Philology),
Prof., A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Editorial board

Vsevolod Bagno, Corresponding Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia), *Henryk Baran*, Ph.D., Prof., State University of New York at Albany (Albany, USA), *Cheng Tiu*, Prof., Shanghai International Studies University (Shanghai, China), *Anna Dybo*, Corresponding Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Higher School of Economics, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Marcello Garzaniti*, Grand Ph.D. (Slavic Philology), Prof., University of Florence (Florence, Italy), *Sergei Gindin*, Cand. Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia), *Elena Haltrin-Khalturina*, Dr. Sci. (Philology), A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Herd Hentschel*, Prof., Carl von Ossietzky Universität Oldenburg (Oldenburg, Germany), *Tat'yana Ivanova*, Dr. Sci. (Philology), (Moscow, Russia), *Nikolai Kazansky*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, (St. Petersburg, Russia), *Vladimir Korovin*, **Scholarly Editor**, Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), *Leonid Krysin*, **Deputy Editor-In-Chief**, Dr. Sci. (Philology), Prof., V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Alexander Kudelin*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Olga I. Lukashenko*, **Managing Editor**, *Alexander Moldovan*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Alexander Piperski*, **Executive Editor**, Cand. Sci. (Philology), Higher School of Economics (Moscow, Russia), *Vladimir Plungian*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Alexander Stroev*, Prof., l'Université Sorbonne Nouvelle Paris 3 (Paris, France), *Svetlana Tolstaya*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Yury Vorotnikov*, Corresponding Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Aleksei Zherebin*, Dr. Sci. (Philology), Prof., A.I. Herzen Russian State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

Address for Correspondence:

Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language,
32a Leninsky Prospect, Moscow, 117993 Russia
Tel.: +7(495)952-44-90, +7(925)095-84-64
E-mail: info@izv-oifn.ru, lukashenko97@gmail.com
Web Site: <https://izv-oifn.ru>

-
- © The Russian Academy of Sciences, 2022
 - © The A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, 2022
 - © Editorial Board of "Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language" (editing and composing), 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка.
2022, Том 81, Номер 4

Державин и возвращение победоносного царя <i>Иоахим Клейн</i>	5
“Шпага кавалера”, “Победитель” и “Актер”: единство и преемственность трех пьес М. Е. Лёвберг <i>В. Б. Зусева-Озкан</i>	21
“...В серый пролетарский монастырь под звон рапповских колоколов...”: поэт Владимир Луговской – из “попутчиков” в рапповцы <i>Р. Е. Клементьев</i>	33
Ранняя проза И. А. Бунина: источниковедение, текстология, атрибуция, датировка <i>С. Н. Морозов</i>	43
О строфических предпочтениях Г. Р. Державина (на материале прижизненного собрания сочинений) <i>Е. А. Пастернак</i>	52
Ирландская сага: границы жанра (формальный подход) <i>Т. А. Михайлова</i>	60
Фольклор и упрек: опыт сентимент-анализа на базе конструкций <i>Р. И. Шмурак</i>	70
Языковая игра с падежным окончанием <i>-ов</i> , или Как падонки сменились котиками <i>Е. Р. Добрушина, Е. О. Борзенко</i>	81
Вопросы, которые трудно закрыть: многозначность слов <i>ЗАКРЫВАТЬ, ЗАКРЫВАТЬСЯ, ЗАКРЫТИЕ</i> и ее представление в Активном словаре русского языка <i>А. В. Птенцова</i>	89
Несколько наблюдений над причастным пассивом в тундровом ненецком языке <i>И. А. Стенин</i>	96

Рецензии

Бурас М. М. Лингвисты, пришедшие с холода. М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2022. 410 с., ил. (Великие шестидесятники) <i>Е. В. Рахилина</i>	109
Усадьба реальная – усадьба литературная: векторы творческого преобразования: Коллективная монография / сост., отв. ред. О. А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2021. 384 с. (Серия “Русская усадьба в мировом контексте”. Вып. 6) <i>П. А. Борисова (Ворон)</i>	115

CONTENTS

Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language.
2022, Volume 81, Issue 4

Derzhavin and the Return of the Victorious Tsar <i>Joachim Klein</i>	5
“Chevalier’s Epee”, “Victor” and “Actor”: Unity and Continuity of the Three Plays by M. E. Levberg <i>V. B. Zuseva-Özkan</i>	21
“..To a Gray Proletarian Monastery Under the Ringing of RAPP’s Bells..”: Poet Vladimir Lugovskoy – from “Fellow Travelers” to RAPP-Member <i>R. E. Klementiev</i>	33
Ivan Bunin’s Early Prose: Source Studies, Textual Criticism, Attribution, Dating <i>S. N. Morozov</i>	43
On the Strophic Preferences of G. R. Derzhavin (Based on the Material of his Lifetime Collected Works) <i>E. A. Pasternak</i>	52
The Irish Saga: Limits of the “Genre” (a Formal Approach) <i>T.A. Mikhailova</i>	60
Folklore and Reproach: The Experience of Sentiment Analysis Based on Constructions <i>R. I. Shmurak</i>	70
Language Game with a Case Ending <i>-oβ</i> or How <i>Padonki</i> Were Replaced by Kittens <i>E. R. Dobrushina, E. O. Borzenko</i>	81
It’s Difficult to Get Closure: On the Polysemy of the Words <i>ZAKRYVAT’</i> , <i>ZAKRYVAT’SA</i> , <i>ZAKRYTIE</i> and Its Presentation in the Active Dictionary of Russian Language <i>A. V. Ptentsova</i>	89
A Few Notes on the Participial Passive in Tundra Nenets <i>I. A. Stenin</i>	96

Reviews

Buras, M. M. Linguists Who Came in from the Cold. Moscow, AST Publishing House: Editorial of Elena Shubina, 2022. 410 p., ill. (Series The Great Sixties) [In Russ.] <i>E. V. Rakhilina</i>	109
Estate Real – Estate Literary: Vectors of Creative Transformation. Ex. ed. Olga A. Bogdanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2021. 384 p. (Series “Russian Estate in a Global Context”. Iss. No. 6) [In Russ.] <i>P. A. Borisova (Voron)</i>	115

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800021461-3

Несколько наблюдений над причастным пассивом в тундровом ненецком языке

© 2022 г. И. А. Стенин

Старший преподаватель Школы лингвистики,
научный сотрудник Научно-учебной лаборатории социогуманитарных исследований Севера и Арктики
факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”,
Россия, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 1
ystein88@gmail.com

Резюме. Статья посвящена двум стратегиям причастного пассива в тундровом ненецком языке, при одной из которых выражение агенса допустимо, а при другой невозможно. Первая стратегия рассматривается преимущественно на примере конструкции с перфективным причастием. Обсуждается событийный vs. результативный характер пассива и согласовательные паттерны данной конструкции. Также отмечается ограниченная допустимость пациентивных подлежащих первого и второго лиц. Вторая стратегия, которая является обязательно имперсональной, обсуждается на примере конструкции с имперфективным причастием. Причастие в этой конструкции образуется от глагола через посредство показателя дуратива. Эта конструкция используется в хабитуальных (генерических) контекстах и не допускает выраженного агенса.

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 19-78-10139 “Аргументная структура, залог и актантная деривация в языках Западной Сибири”.

Ключевые слова: тундровый ненецкий язык, самодийские языки, пассивные конструкции, причастный пассив, имперсональные конструкции, морфосинтаксис, глагольные категории.

Для цитирования: Стенин И.А. Несколько наблюдений над причастным пассивом в тундровом ненецком языке // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 4. С. 96–108. DOI: 10.31857/S160578800021461-3

A Few Notes on the Participial Passive in Tundra Nenets

© 2022 Ivan A. Stenin

Senior Lecturer of the School of Linguistics,
Research Fellow at the Arctic Social Sciences and Humanities Laboratory
of the Faculty of Humanities,
HSE University,
21/4 bld. 1 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russia
ystein88@gmail.com

Abstract. The article deals with the two strategies of the participial passive in Tundra Nenets, one of which allows the expression of the agent, and another one does not. The first strategy is considered primarily on the basis of the construction with the perfective participle. The eventive vs. resultative nature of the passive as well as the agreement patterns of the construction are discussed. The limited admissibility of patientive subjects of the first and second persons is also noted. The second strategy, which is necessarily impersonal, is discussed on the basis of the construction with the imperfective participle. The participle in this construction is formed from the verb through the durative marker. This construction is used in habitual (generic) contexts and does not allow an expressed agent.

Acknowledgements. The work is supported by the Russian Science Foundation, project No. 19-78-10139 “Argument structure, voice and valency-changing derivations in the languages of Western Siberia”.

Key words: Tundra Nenets, Samoyedic languages, passive constructions, participial passive, impersonal constructions, morphosyntax, verbal categories.

For citation: Stenin, I.A. *Neskolko nablyudenij nad prichastnym passivom v tundrovom nenetskomazyke* [A Few Notes on the Participial Passive in Tundra Nenets]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Serii literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 4, pp. 96–108. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800021461-3

1. Пассив в тундровом ненецком языке.

Предисловие

Начнём издалека. В примере (1) представлен фрагмент из сказки “Сидя Вай” (“Двое Ваев”), записанной от Василия Дмитриевича Яра в п. Воронцово (п-ов Таймыр) и опубликованной К. Лабанускасом в сборнике “Ненецкий фольклор. Мифы, сказки, исторические предания” (1995)¹. В этом фрагменте иллюстрируются два типа пассивных конструкций в тундровом ненецком: а) причастный пассив с причастием (прежде всего, т.н. перфективным причастием) от переходного глагола в предикативной позиции и б) непр причастный (глагольный) пассив с выраженным в глагольной словоформе показателем пассивизации *-ra*. Соответствующие словоформы (*ядаравы* и *хадаравы*) и их переводы (‘поранена’ и ‘оказался убитым’) выделены полужирным, а поморфемный анализ предложений, в которых они встретились, дан в примерах (2) и (3).

(1) Тундровый ненецкий (п. Воронцово, п-ов Таймыр)

Нгамгэ’ ёльчанггана нерняна нгоб’ яхаку нгадимя. Нюдя Ваяр тяханя’ тэвы’. Ов, такэми нгамгэ? Тад манэнгада: *нгарка Вай хабэйнгэ ласы ханта ниня. Нгэвада мынггхана ядаравы. Нюдя Вай ихинянта ма: «Ов, некаеми мале хадаравы’.* Хумбачи” *сыбумта черсядангэ пэрмэда, тамна сян илебчам’ хадаван’ харвавакы. Хаваримта ховэда.*

Через какое-то время младший Вай доехал до одной речки. Что такое? Он увидел неживого брата, лежавшего на нарте. Голова у него **поранена** стрелой. Младший Вай подумал: “Ой, мой старший брат уже **оказался убитым**. Зря он считал свою грузовую нарту пустой. Видимо, он хотел ещё добыть несколько диких оленей, а нашёл свою смерть” [1, с. 98, 102].

(2) *ɲæwa-da* *miŋk°-xəna* *yədara-wi°*
голова-POSS.3SG стрела-LOC пристрелить-PT.PFV[3SG]
‘Голова у него поранена стрелой’.

(3) *nye°ka-ye-myi* *məlye* *xa-da-ra-wi°-q*
старший.брат-PEJ²-POSS.1SG уже умереть-CAUS-PASS-NARR-3SG.R
‘Мой старший брат уже оказался убитым’.

¹ Орфография источника оставлена без изменений. Символы апострофа (‘) и двойного апострофа (”) традиционно используются в ненецкой орфографии для обозначения т.н. звонкого и глухого гортанных смычных (*h* и *q* в транскрипции Т. Салминена).

² Показатель *-ye* условно глоссируется как пейоратив (PEJ), однако он может выражать не только пренебрежительное

Кажущееся сходство двух выделенных словоформ обманчиво, и различный статус омонимичных показателей *-wi°* в их составе (показателей перфективного причастия и нарратива) может быть достаточно легко показан. В примере (2) перед нами именно перфективное причастие от переходного глагола *yədara-* ‘пристрелить’ в позиции именного предиката (в индикативе, в форме наименее маркированного времени, т.н. аориста, с нулевым показателем 3 л. ед. ч.), а не финитная форма т.н. нарратива (с прежде всего эвиденциальными, инферентивными и репортативными употреблениями, традиционно относимого в большинстве грамматических описаний тундрового ненецкого языка к косвенным наклонениям), поскольку в противном случае предложение должно было бы демонстрировать переходный активный синтаксис, а не пассивный с очевидным продвижением исходного прямого объекта (именной группы ‘его голова’) в позицию подлежащего, оформленного номинативом³. Никакой другой формой от глагола *yədara-* заменить причастие *yədara-wi°* в данном контексте без потери пассивного синтаксиса невозможно⁴.

Разумеется, формы нарратива от переходного⁵ глагола *yədara-* существуют, однако они тре-

отношение, но и сожаление, сочувствие говорящего по отношению к тому или иному участнику.

³ Нулевые показатели номинатива не отражаются в глоссах.

⁴ Таким образом, глоссирование этой же формы из этого же текста в грамматике [2, с. 440] как инферентивной (= нарративной), а не причастной, является досадной ошибкой.

⁵ Справедливости ради необходимо отметить, что существует также непереходный глагол *yədara-* ‘получить ранение’, изменяющийся по формам рефлексивного “спряжения”, однако он, согласно суждениям моих информантов, носителей гыданского и приуральского диалектов, не сочетается с обозначениями частей тела в качестве субъекта, а свободно сочетается только с одушевлёнными именами.

(i) Тундровый ненецкий (п. Белоярск, Приуральский р-н, ЯНАО)

*nyŋsya-w° / *ɲæ-da* *sayuə-x°na* *yədara-wi°-q /*
отец-POSS.1SG нога-POSS.3SG война-LOC получить.ранение-NARR-3SG.R
yədare-y°-q
получить.ранение-SFS-3SG.R

буют переходного активного синтаксиса; ср. (4), где в позиции подлежащего выступает А-участник, в позиции прямого объекта – рефлексивное местоимение *pi(x)əd°* – в аккузативе, а глагол стоит в форме субъектно-объектного “спряжения” (в этой же форме стоит глагол *хо-* ‘найти’ в последнем предложении приведённого выше фрагмента)⁶.

(4) Тундровый ненецкий (п. Белоярск, Приуральский р-н, ЯНАО)

nyísyá-w° tu°nyí-x°na pi°də-mta
отец-POSS.1SG ружьё-LOC тело-ACC.POSS.3SG
yədara-we-da
пристрелить-NARR-3SG.O

‘Мой отец застрелился из ружья’, букв. застрелил себя.

Кроме того, на то, что в (2) употреблено именное причастие, указывает референция к результирующему состоянию, одновременному с ситуацией наблюдения, что продолжает презентную ориентацию непосредственно предшествующего контекста – букв. “[Он увидел:] старший Вай, будучи мёртвым, лежит (на спине) на своей нарте”⁷. Перфективное причастие в предикативной позиции является одной из основных стратегий выражения результирующего значения в тундровом ненецком, прежде всего, объектного результирующего в терминах [3]⁸; см. об этом, а также о

диахронической связи между показателями перфективного причастия и нарратива, в частности, [4]. В свою очередь, формы нарратива ожидаемым образом не могут извлекать результирующее под событие из сложной событийной дескрипции – если “словарный” вид глагольной основы перфективный, все финитные формы такого глагола будут перфективны и будут описывать ситуации с изменением фазы (т.е. являются предельными, в англоязычном понимании telicity); о словоклассифицирующем характере вида и одно-однозначном соответствии перфективности и предельности в тундровом ненецком см., в первую очередь, [5]; [6].

То, что в примере (3) показатель *-wi°* выступает в качестве показателя нарратива, следует уже из наличия в той же глагольной словоформе финитного показателя 3 л. ед. ч. рефлексивного (медиального) “спряжения”. Более того, форма нарратива в данном морфосинтаксическом окружении может быть “заменена” на форму аориста индикатива без потери пассивного синтаксиса предложения; ср. (5).

(5) te-waq sarmyik°-xəna / sarmyikə-n°h
олень-POSS.1PL волк-LOC волк-DAT
xa-da-ra-wi°-q / *xa-da-re-y°-q*⁹
умереть-CAUS-PASS-NARR-3SG.R умереть-CAUS-PASS-SFS-3SG.R

‘Наш олень оказался задран волком’.

а. ‘Отец получил ранение на войне’.

*б. Ожидаемое значение: ‘Его нога оказалась раненой на войне’.

⁶ Алломорф *-we*, как и *-wi°*, регулярно выступает в формах ед. ч. после основ на гласный, однако, в отличие от последнего, используется в позиции не последнего слога. После основ на согласный им соответствуют *-me* и *-mi°* с тем же распределением.

⁷ Весь остальной фрагмент (за исключением также вопроса “Что такое?”) оформлен либо индикативными глагольными формами от перфективных глаголов в аористе, описывающими (в нарративном режиме) последовательность сменяющихся друг друга событий (речка показала – младший Вай доехал – увидел – подумал) и продвигающими нарратив, либо неиндикативными финитными глагольными формами, описывающими (в диалогическом режиме) ситуации в прошлом (по отношению к моменту речи), свидетелем которых младший Вай, выступающий на этом локальном отрезке в качестве говорящего, не был, но которые он оценивает либо как точно имевшие место (как в случае нарратива в инферентивном употреблении, когда суждение выносится методом абдукции на основании всех имеющихся в распоряжении говорящего экспериенциальных свидетельств), либо как высоковероятные (как в случае пробабилитива, когда эпистемическая оценка вероятности того или иного события рассчитывается исходя из энциклопедических знаний говорящего о мире).

⁸ В работах [7, с. 13]; [8, с. 308] отмечается, что результирующая семантика данной формы реализуется редко и “требует значительной контекстной поддержки”. С чем связана такая оценка и что именно значит последнее утверждение,

Из этого следует, что за пассивный характер клаузы в примерах типа (3) и (5) отвечает морфема *-ra*, образующая непереходный глагол *xa-da-ra-* ‘оказаться убитым’ от переходного *xa-da-* ‘убить’, в свою очередь являющегося каузативным дериватом от непроизводного глагола *xa-* ‘умереть’. То, что глагол с пассивным показателем *-ra* образует новую лексему, а не подпарадигму исходного глагола, может быть легко продемонстрировано. Для целей этой работы достаточно того факта, что пассивные глаголы с показателем *-ra* образуют все глагольные формы, включая нефинитные, в том числе коннегатив (форму, в которой выступает смысловой глагол при финитном отрицании).

Таким образом, в общем случае две пассивные конструкции, иллюстрируемые в примере (1), легко различимы, а в примере (1) явлен случай

не совсем понятно. В корпусе [9], составленном на основе синтаксических примеров из словаря [10], релевантных примеров несколько десятков.

⁹ Переход {a} → |e| / _ǝэ в начальных слогах при некоторых условиях, в частности перед показателем специальной финитной основы, стандартно происходит в большинстве идиомов (однако не во всех). По этой причине показатель *-ra* выступает здесь в виде *-re*.

их максимального поверхностного сходства. Несмотря на то, что между ними есть общие черты — в обоих случаях исходный объект продвигается в позицию подлежащего, в обоих случаях пассив может использоваться безагенсно, что следует уже из примеров (2)–(3), прежде всего, когда агенс неизвестен или неважен, — различий в структурном устройстве двух пассивных конструкций, как и, по-видимому, различий в их функционировании, значительно больше.

Причастный пассив в тундровом ненецком отчасти уже становился предметом рассмотрения в литературе (см. в первую очередь [2, с. 239–249 et passim], а также отдельные наблюдения в [4]), однако его функционирование изучено недостаточно, поэтому целью этой работы является дать обзор конструкций причастного пассива и уделить некоторым из них, прежде всего безагенсному пассиву, особое внимание. Непродуктивный пассивный показатель *-ra*, существование которого лишь упоминалось в литературе, нуждается в отдельном изучении.

Материал тундрового ненецкого, привлекаемый к рассмотрению в этой работе, взят из опубликованных источников и существующей литературы, а также записан в ходе собственной полевой работы автора в экспедициях в с. Антипаюта, с. Гыда (Тазовский район) и п. Белоярск (Приуральский район) Ямало-Ненецкого автономного округа в 2011–2014 гг. Примеры, полученные от носителей тундрового ненецкого языка, приводятся без ссылок. Я крайне признателен всем консультантам за неоценимую помощь.

Статья устроена следующим образом. За предисловием следует краткий раздел 2, в котором даны общие сведения о причастном пассиве. Раздел 3 посвящён причастным конструкциям, в которых возможно выражение агенса, в первую очередь пассивной конструкции с т.н. перфективным причастием. В разделе 4 описана одна из имперсональных конструкций с т.н. имперфективным причастием. В разделе 5 суммируются выводы.

2. Общие сведения о причастном пассиве

Причастный пассив является стандартным и абсолютно продуктивным средством пассивизации в тундровом ненецком языке. Причастный пассив не предполагает конструкцию с пассивным причастием. В тундровом ненецком языке, в отличие от нганасанского¹⁰, нет причастий, которые мог-

¹⁰ В нганасанском языке это пассивное причастие с показателем *-MƏƏ* (см., например, [13]). Т.н. anteriornoe “пассивное” причастие с показателями *-duuj / -zuuj* в лесном

ли бы быть названы пассивными. Все причастия в тундровом ненецком, включая перфективное причастие, введённое в рассмотрение выше, в залоговом отношении нейтральны [11]; [12]. Так, в атрибутивной позиции перфективное причастие может релятивизовывать и S-, и P-, и (по крайней мере теоретически) A-участника. Однако в предикативной позиции перфективное причастие от переходных глаголов P-ориентировано.

Причастный пассив не ограничен конструкцией с перфективным причастием в предикативной позиции и, согласно И. Николаевой, может быть образован также с участием имперфективного причастия, проспективного причастия и отрицательного причастия, т.е. всех четырёх причастий, при этом причастия, как и другие именные предикаты, могут нести синтетический показатель прошедшего времени *-sy*¹¹, а также формировать аналитические конструкции в сочетании с вспомогательным глаголом *ɲæ* ‘быть’ (при необходимости выразить отрицание, будущее время и неиндикативные грамматические категории из области модальности и эвиденциальности). Набор доступных форм несколько различается в зависимости от словарного вида переходного глагола (перфективного vs. имперфективного), а также в зависимости от конструкции (см. фрагменты парадигм в [2, с. 240, 248]). Существует два основных типа конструкций причастного пассива — агенсный пассив, при котором выражение агенса возможно, хотя и необязательно, и безагенсный пассив, при котором выражение агенса невозможно, т.е. конструкция в обязательном порядке имперсональна.

3. Агенсный причастный пассив

В конструкциях, в которых выражение агенса возможно, он оформляется как стандартный посессор — генитивом¹², если это лексическая

ненецком языке используется для релятивизации субъекта непереходного глагола и объекта переходного глагола [14].

¹¹ Морфему *-sy*^o по целому ряду причин скорее стоит рассматривать как показатель ретроспективного сдвига (или в аналогичной перспективе), а не как “нормальный” показатель категории абсолютного времени (с последней, впрочем, в тундровом ненецком языке в принципе есть сложности). Наиболее яркой морфологической особенностью аффикса *-sy*^o в финитных глагольных формах является то, что он присоединяется после всех словоизменительных показателей, включая показатели лица и числа.

¹² В [2, с. 241] отмечается, что в (крайне)западных диалектах агентивное дополнение в конструкции причастного пассива может, по крайней мере маргинально, оформляться также локативом (/ инструменталисом), однако единственный пример из малоземельского диалекта, приводимый в качестве иллюстрации, содержит форму с показателем *-bey*^o вместо формы перфективного причастия на *-wi*^o (форма

именная группа (6), или номинативом, если это личное местоимение (8). При этом причастие в позиции именного предиката обнаруживает любопытные модели согласования¹³. Если в позиции подлежащего причастной пассивной конструкции пациентивный участник выражен лексической именной группой или личным местоимением третьего лица, а в позиции агентивного дополнения тоже находится лексическая именная группа или агенс не выражен вовсе (неизвестен, неважен и пр.), причастие согласуется только по числу с подлежащим (6)–(7). Если же в позиции агентивного дополнения (посессора) стоит личное местоимение, с подлежащим (пациентивным участником) точно так же происходит согласование по числу¹⁴, а с агенсом (в позиции посессора) – согласование по лицу и числу, и выражается оно с помощью показателей посессивной серии, а не личных глагольных показателей (8). Местоименный агенс при этом может быть не выражен поверхностно, если он не находится в фокусе, однако в любом случае, как и стандартный местоименный посессор, он контролирует лично-числовое согласование на причастии (9).

(6) Тундровый ненецкий (с. Гыда, Тазовский р-н, ЯНАО)

tyuku° ꞗәсуеки° *nyebya-nta* masi-bә-wi°
 этот ребёнок мать-GEN.POSS.3SG вымыть-DUR-PT.PFV[.3SG]
 ‘Этого ребёнка мыла его мать’.

на *-bey°* предположительно носит более именной характер). В [4, с. 220–221] отмечается, что локативно(-инструментально)е оформление агентивного дополнения в конструкции причастного пассива встречается также в её материалах по крайневосточным диалектам, собранным на Таймыре, однако только в элицированных данных. В обоих случаях исследовательницы связывают это с возможным влиянием русского языка, в котором инструментальное оформление агентивного дополнения при пассиве является стандартным.

¹³ Согласовательные паттерны в аналитических конструкциях с (перфективным) причастием в пассивной конструкции здесь не иллюстрируются, однако согласование в таких случаях распределено между вспомогательным глаголом и смысловым, выступающим в форме причастия. Согласование по числу с пациентивным участником в позиции подлежащего обязательно выражается на вспомогательном глаголе *ꞗә-* ‘быть’ и факультативно на причастии, тогда как лично-числовое согласование с агентивным дополнением возможно только на причастии; см. [2, с. 243–244] и примеры там.

¹⁴ При этом согласование по множественному числу выражается в данном случае не показателем *-q*, а чередованием *i° ~ e* (точнее, *e ~ i°*) в показателе перфективного причастия. Выше говорилось, что в формах единственного числа в позиции нефинального слога невозможен алломорф *-wi°* (*-mi°*), вместо него обязательно выступает *-we* (*-me*). Согласование по двойственному числу выражается особой (под)основой дв. ч.; см. пример 43b в [2, с. 242].

(7) tyuku°-q tyuku° yalya-h syerta-wi°-q
 этот-PL этот день-GEN сделать-PT.PFV-3PL
 ‘Эти (вещи) сегодня сделаны’.

(8) tyiki° xidyа-q *mәny°* хәл°ta-wi°-nyih¹⁵
 этот кружка-PL я вымыть-PT.PFV.PL-POSS.1NPL
 ‘Эти кружки я помыл’.

(9) tyiki° хәnә-ṛ° syan° te-wi°na temta-we-ṛ°?
 этот нарта-POSS.2SG сколько олень-PROL купить-PT.PFV-POSS.2SG
 ‘Эту нарту ты за сколько оленей купил?’, букв. эта нарта за сколько оленей куплена тобой.

Возможности пассивизации в случае, если в позицию подлежащего продвигается пациентивный участник, выраженный личным местоимением первого или второго лица, нуждаются в специальном изучении. Не исключено, что такие возможности крайне ограничены в тундровом ненецком (ср. запрет на субъектно-объектное “спряжение” при прямом объекте первого и второго лица и другие свидетельства, демонстрирующие повышенную чувствительность тундрового ненецкого языка к информационной структуре и дейктическому статусу аргументов)¹⁶. В грамматике И. Николаевой утверждается, что если в позиции подлежащего при пассиве оказывается участник первого или второго лица, агенс может быть только третьего лица и не вызывает согласования на причастии, а лично-числовое согласование происходит с подлежащим и выражается показателями посессивной серии [2, с. 243]. В подтверждение приводятся три примера (44a–с в оригинале), один из которых (44a) не показатель в плане определения серии лично-числовых показателей (поскольку 1 л. мн. ч. выражается показателем *-waq* как в посессивной серии, так и в субъектном “спряжении” финитного глагола, из которого заимствуются лично-числовые показатели именных предикатов, а также в субъектно-объектном “спряжении” глагола).

Два других примера, приводимых И. Николаевой, на самом деле содержат показатели финитной согласовательной серии, а не посессивной (показатель *-n°*, совпадающий в субъектном “спряжении” глаголов и предикативном склонении имён, а не *-r°*, совпадающий в субъектно-объектном “спряжении” глаголов и посессивном склонении имён при посессоре 2 л. ед. ч. и обладаемом ед. ч.), что не отражается в оригинале

¹⁵ В восточных диалектах посессивные показатели 1 л. ед. ч. зачастую вытеснены показателями 1 л. дв. ч. В таком случае синкретичный показатель глоссируется как POSS.1NPL.

¹⁶ Позиция подлежащего при продвигающем пассиве обеспечивает топикальный статус, однако в ней оказываются пациентивные (и пациенсоподобные) участники, что может создавать конфликт в том случае, если на неё претендуют личные местоимения первого и второго лица.

в силу крайне упрощённого глоссирования. Эти примеры, иллюстрируемые в (10)–(11), отвергаются опрошенными мной носителями гыданского говора, однако характер запрета не до конца ясен¹⁷.

(10) Тундровый ненецкий (с. Гыда, Тазовский р-н, ЯНАО)

*pidar° / pro_{2SG} nyebu-a-nt° xəl°ta-we-n°
ты мать-GEN.POSS.2SG вымыть-PT.PFV-2SG

Ожидаемое значение: ‘Тебя вымыла твоя мать’, букв. ты вымыт.

(11) *pidar° / pro_{2SG} pidoh xəl°ta-we-n°
ты они.PL вымыть-PT.PFV-2SG

Ожидаемое значение: ‘Тебя вымыли они’, букв. ты вымыт.

В моём распоряжении имеется только один изолированный пример с подлежащим второго лица при причастном пассиве, при этом лично-числовой показатель также совпадает с показателем предикативного склонения имени и субъектного “спряжения” финитного глагола, а не с показателем посессивной согласовательной серии.

(12) Тундровый ненецкий (с. Гыда, Тазовский р-н, ЯНАО) (pidar°) nyebu-a-nt° ɲəw°la(-mp°)-we-n°

ты мать-GEN.POSS.2SG накормить(-DUR)-PT.PFV¹⁸-2SG

‘Тебя вскормила {, вырастила и пр.} твоя мать’, букв. ты твоей матерью вскормлен.

Как уже было сказано выше, подобные конфигурации явно нуждаются в отдельном изучении¹⁹.

Согласно И. Николаевой, все регулярные прямые объекты могут быть продвинуты в позицию подлежащего в конструкции причастного пассива (допускающего выражение агенса), в том числе возможна пассивизация (и продвижение прямого

¹⁷ Не все опрошенные носители в норме используют глагол *xəl°ta-* ‘вымыть’ и его дериваты для обозначения ситуаций мытья ребёнка и т.п., однако примеры (10)–(11) непримерлемы независимо от этого, в том числе для тех, кто допускает перфективное причастие от этого глагола в аналогичном контексте при подлежащем третьего лица.

¹⁸ Проанализировать *-we* как показатель нарратива в данном случае невозможно ввиду очевидного несоответствия переводу и пассивного характера предложения.

¹⁹ В [2] фигурируют ещё как минимум два примера, в которых в позиции подлежащего в конструкции причастного пассива оказывается личное местоимение второго лица; см. ниже (транскрипция и глоссирование унифицированы).

(i) pidar° pyisyən-cy° Wera-h nyu°cy-a-we-n°
ты смеяться-CVB Вэра-GEN поцеловать-PT.PFV-2SG

‘You were kissed by Wera, who was laughing (while you were laughing)’ [2, с. 247] (пример 56а в оригинале).

(ii) pidar° Maša-m nyacy° Wera-h xo-we-n°
ты Маша-ACC с Вэра-GEN найти-PT.PFV-2SG

‘You were found by Wera with Masha’ [2, с. 248] (пример 58b в оригинале).

объекта вложенной актантной клаузы в позицию подлежащего матричной клаузы) из конструкций субъектного и объектного контроля (см. примеры (48)–(49) в [2, с. 244–245]), но не из обстоятельственных предложений. Прямые объекты с показателем дестинатива, однако, не могут быть подлежащими в конструкции причастного пассива, так же как они не могут контролировать субъектно-объектное “спряжение”, поскольку в принципе не допускают топикальный статус и, как правило, вводят новых участников в дискурс. В [2, с. 245–248] содержатся также некоторые наблюдения относительно синтаксического поведения подлежащего и агентивного дополнения в конструкции причастного пассива (контроль рефлексивизации, вторичных предикатов, PRO некоторых оборотов), в частности, отмечается высокая синтаксическая активность агентивного дополнения, однако вопрос о его синтаксическом статусе оставлен открытым.

Отдельно стоит затронуть вопрос о событийном vs. результативном характере причастного пассива в тундровом ненецком языке (ср. противопоставление т.н. акционального vs. статального пассива, нем. Vorgangspassiv vs. Zustandspassiv в литературе). И. Николаева отмечает, что ненецкий причастный пассив обозначает событие, а не результат события, поскольку, согласно [2, с. 244], пассив совместим только с обстоятельствами, характеризующими способ действия, а не результат, и время (динамического) события, а не время его результата²⁰. Иными словами, согласно И. Николаевой, пассив сочетается только с обстоятельствами, которые специфицируют подсобытия агентивной деятельности и процесса в пациенте, но не результирующего состояния, если говорить, например, о предикатах, относимых к свершениям. В подтверждение этой точки зрения, однако, в грамматике И. Николаевой, приведены лишь три примера и не приведено никакого отрицательного языкового материала. Эти три примера даны ниже (транскрипция и глоссы уточнены и унифицированы, перевод оставлен без изменений).

(13) Тундровый ненецкий
tyuku° xarəd° nyisy-a-nyi syidya yalya-xəna
этот дом отец-GEN.POSS.ISG два день-LOC
syerta-wi°

сделать-PT.PFV[.3SG]

‘This house was built by my father within two days’ [2, с. 244].

²⁰ В оригинале: “The passive has an actional meaning; it does not denote the result of the event. This can be seen from the fact that it is only compatible with adverbs which specify the time of the event denoted by the verb, and not the time of its result, or the manner in which the action took place” [2, с. 244].

(14) *xarəd° nyísyā-nyí yənpəmo-w°na syerta-wi°*
 дом отец-GEN.POSS.1SG медленный-PROL сделать-PT.PFV[.3SG]
 ‘The house was slowly built by my father’ [ibid.].

(15) *tyuku°-q ti-q nyísyā-nyí*
 этот-PL олень-PL отец-GEN.POSS.1SG
nyí-toh rú-mna xada-wi°-q
 друг.PL-GEN.POSS.3PL после-PROL убить-PT.PFV-3PL
 ‘These reindeer were killed by my father one after another’ [ibid.].

Как кажется, характеристика тундрового ненецкого причастного пассива только как событийного и не имеющего результативных употреблений слишком радикальна. Возможно, свойства неимперсонального причастного пассива с поверхностно выраженным агенсом, с одной стороны, и неимперсонального пассива с поверхностно невыраженным агенсом, с другой стороны, могут частично различаться. Во всяком случае, относительно легко можно найти примеры, в которых обстоятельство ориентировано скорее на результирующее состояние, а не на агентивную деятельность или процесс в пациенте (т.е. подсобытия, предшествующие наступлению результата) — по крайней мере, среди примеров с (поверхностно) невыраженным агентивным дополнением.

(16) Тундровый ненецкий
yesyā-h yutyek° nyarm°bix°nta yuda-wi°
 железо-GEN кусок докрасна.DAT²¹.POSS.3SG нагреть-PT.PFV[.3SG]
 ‘Кусок железа раскалён²² докрасна’ [10, с. 357].

(17) *pyā-q teb°lā-° ŋamt°-ta-wi°-q*
 дерево-PL быть.редким-CVБ садиться-CAUS-PT.PFV-3PL
 ‘Деревья редко посажены’ [10, с. 684].

(18) *səpɣyā-ko xəra-w°na syerta-wi° ŋæ-wi°*
 тропка-DIM кривой-PROL сделать-PT.PFV[.3SG] быть-NARR[.3SG]
 ‘Тропинка оказалась криво проторенной’ [10, с. 746].

4. Безагенсный причастный пассив

Другим типом причастного пассива являются конструкции, в которых выражение агенса невозможно, т.е. в обязательном порядке имперсональные конструкции. И. Николаева объединяет

²¹ Слово *nyarm°-bi-|xə-* трактуется в словаре Натальи Митрофановны Терещенко целиком как ‘докрасна’ [10, с. 357], однако оно содержит “коаффикс” *-xə*, используемый в формах датива посессивного склонения, и принадлежит к группе непродуктивных отглагольных имён с показателем *-bi / -pi*, имеющих дефектную парадигму (только формы датива и аблатива ед. ч. и мн. ч.), в формах датива употребляющихся для обозначения достигнутого результата; ср., например, также *tira-bi-|xə-* ‘насухо, досуха’ (< *tira-* ‘высохнуть’).

²² В словаре [10] дан перевод “кусок железа раскалился докрасна”, однако глагол *yuda-* ‘1) согреть, нагреть; 2) разогреть; 3) пригреть, обогреть сверху; 4) растопить, расплавить’, по данным того же словаря и других источников, изменяется только переходным образом.

в рамках этого типа пассивные конструкции²³, образуемые имперфективным причастием от перфективных и имперфективных переходных глаголов, которые она трактует как модальный пассив, выражающий прежде всего возможность²⁴. В грамматике безагенсному пассиву посвящена пара абзацев, в которых на примере пассива, образуемого имперфективным причастием от перфективных глаголов, демонстрируется, что выражение агенса невозможно, и утверждается, что лично-числовое согласование причастия всегда происходит с пациентивным участником в позиции подлежащего, при этом используются показатели, совпадающие с показателями субъектного “спряжения” финитного глагола, а не с показателями посессивной серии. В подтверждение последнего тезиса приводится единственный пример, который дублируется ниже.

(19) Тундровый ненецкий
*məny° (*Wera-h) xada-na-d°m*
 я Вэра-GEN убить-PT.1PFV-1SG
 ‘It is possible (*for Wera) to kill me; I am destined to be killed’ [2, с. 249].

У меня нет особых сведений о пассиве, образуемом имперфективным причастием (напрямую) от перфективных глаголов, однако, по косвенным признакам, такой пассив может отличаться от пассива, образуемого имперфективным причастием от имперфективных глаголов. Возможно, собственно модальный характер возможности (или долженствования) свойствен прежде всего первому типу, тогда как (около)модальные прочтения последнего вызваны прежде всего хабикулярным оператором. Поскольку эти два (под)типа безагенсного пассива, очевидно, обладают радикально различающейся текстовой частотностью (первый практически не встречается, тогда как второй вполне естественен), я ограничусь наблюдениями о пассиве, образуемом имперфективным причастием от имперфективных глаголов (или, точнее, от (им)перфективных глаголов через посредство показателя дуратива), который, в частности, является стандартным способом перевода русского имперсонального пассива несовершенного вида на *-сЯ*.

Ср. чередование причастных и глагольных форм в предикативной позиции в тексте, описывающем

²³ Согласно И. Николаевой, в пассивных конструкциях, образуемых отрицательным причастием от переходных глаголов, выражение лексического (не местоименного) агенса также невозможно, а выражение местоименного агенса крайне затруднительно (“highly questionable”) [2, с. 249].

²⁴ “The modal passive typically indicates potentiality (‘it is possible to’) but may have other deontic meanings” [2, с. 248].

изготовление аркана. Формы имперфективно-го причастия выделены полужирным шрифтом, глагольные формы – нижним подчёркиванием. Последние две формы выделены разрядкой и представляют собой так называемые причастия будущего времени (или проспективные причастия, или дебитивные причастия), которые в данном случае тоже образуют пассивную конструкцию. Как можно заметить, имперфективным причастиям, образованным от глаголов с показателем дуратива и находящимся в предикативной позиции, соответствуют в русском переводе глаголы несовершенного вида с показателем *-ся*.

(20) Тундровый ненецкий (п-ов Ямал)²⁵

*Тарта савовна ха’амва’ е’эмня хоба <...> нялуртембада, тикы’ пуд ябтакаковна (1 см пирувна) ернада. Нопой тынзянд’ 80 тибя пир тара. Вэлчой тынзя’ са’ тыравандо’ е’эмня терсяда хан’ тяха’ нэкалада. Маня’ хобава’ нопой яля’ тыранась. Тыра’ махадандо’ тикы’ са’ сомбовна салмрамбада, сертавы видеохона Мянгча тынзянда со тэри ерьядась, салмрайдась. Тикы’ пуд тет савна па нгалманда, сармик адаванда*²⁶.

Для того, чтобы шерсть хорошо сходила, шкура {замачивается в воде,} **обдирается**, после этого по-тоненькому (по 1 сантиметру) **нарезается**. Для одного аркана нужно примерно 80 махов (саженей). Полоски мокрого аркана **натягиваются** на пустую нарту, чтобы они высохли. Наша шкура **сохла** один день. После высыхания эти полоски хорошенько **размягчаются**, на сделанном видео Мянгча как раз **размягчал** полоски своего аркана. После этого (аркан) **будет сплетён** из четырёх полосок и **оснащён** “сармиком”²⁷ (Сайт этнографической экспедиции “Настоящие люди”²⁸).

Поморфемный разбор пассивных конструкций, встретившихся в приведённом фрагменте, даётся ниже. Насколько пассивная ориентация причастий будущего времени, образованных от переходных глаголов и находящихся в предикативной позиции, фиксируемая в (23), является типичной, сказать сложно ввиду редкости проспективных

причастий в предикативной позиции в текстах, однако, по всей видимости, она не является обязательной²⁹, как в случае перфективных причастий в предикативной позиции, рассмотренных выше. Относительно возможности выражения агенса в примерах типа (23) у меня также нет сведений (И. Николаева упоминает причастие будущего времени среди пассивных конструкций, допускающих агентивное дополнение). Ниже я комментирую только конструкцию с имперфективным причастием.

(21) хоба *nyalyir-tye-mpə-da*, <...> *yer-pə-da*
шкура **облезть**-CAUS-DUR-PT.IPFV[.3SG] **разрывать**-DUR-PT.IPFV[.3SG]
‘Шкура обдирается, <...> нарезается’.

(22) sa-q nek^ol-pə-da-q, <...> salm^o.ra-mpə-da-q
волокно-PL **потянуть**-DUR-PT.IPFV-3PL **разгладить**-DUR-PT.IPFV-3PL
‘Полоски (аркана) натягиваются, <...> размягчаются’.

(23) (tincyah) pəŋk^ol-mənta, sərmyikə-da-wənta
аркан **сплести**-PT.FUT[.3SG] **блок.для.аркана**-CAUS-PT.FUT[.3SG]
‘(Аркан) будет сплетён и оснащён “сармиком”’.

В пассивной конструкции с имперфективным причастием в предикативной позиции, рассматриваемой здесь, конкретный агент не может быть выражен, т.е. она является имперсональной³⁰; ср. (24) и (25).

(24) Тундровый ненецкий (с. Антипаюта, Тазовский р-н, ЯНАО)
ɲaw^oka nyany^o-xəna, xalya yewey^o-xəna
авка³¹ **хлеб**-LOC **рыба** **суп**-LOC
ɲaw^ola-mpə-da
накормить-DUR-PT.IPFV[.3SG]
‘Авка (обычно) кормят хлебом, ухой’.

(25) *ɲaw^oka *nyəbya-nyih* / *nyəbya-xə-nyih* /
авка **мать**-GEN.POSS.INPL **мать**-DAT.POSS.POSS.INPL
nyəbya-xəna-nyih ɲaw^ola-mpə-da
мать-LOC.POSS.INPL **накормить**-DUR-PT.IPFV[.3SG]
Ожидаемое значение: ‘(Эту) авку кормит моя мама’.

Во всех имеющихся примерах имперфективное причастие образуется от глагола через посредство

²⁹ Ср. следующий пример из корпуса [9] сентенциальных примеров из словаря [10].

(i) maly^oɲkana-nyí xəyəl^o-m xaqw^o-ra-w^onta nyí ɲa-q
во время.LOC-POSS.1SG слеза-ACC упсть-CAUS-PT.FUT[.3SG] NEG.GFS.3SG быть-CN
‘При мне он слезы не проронит’ [10, с. 224].

³⁰ При этом имперфективное причастие само по себе не ограничено контекстами безагентного (обязательно имперсонального) пассива. Так, по крайней мере вне предикативной позиции оно возможно в составе неимперсональной причастной пассивной конструкции и допускает выражение, в частности, местоименного агенса с помощью лично-числовых показателей посессивной согласовательной серии. Ср.:

(i) tək^ol-pə-da-nt^o yunye-ma-n^oh xərwa-ə-d^om
скрывать-DUR-PT.IPFV-ACC.POSS.2SG **выведать**-NMLZ.IPFV-DAT **хотеть**-GFS-1SG
‘Я хочу выведать то, что ты скрываешь’, букв. скрываемое тобой [10, с. 814].

³¹ Авка – прирученный олень, вскормленный около чума.

²⁵ Переводчица ненецкой версии сайта этнографической экспедиции “Настоящие люди” (п-ов Ямал, 2015–2016 гг.) – Светлана Яндо, родом с Ямала.

²⁶ Орфография источника частично изменена, прежде всего, добавлены пропущенные гортанные смычные.

²⁷ Словом *sərmik* (*sərmyik*^o) называют костяной или роговой, а в настоящее время зачастую и пластиковый, блок для аркана; ср. *sarmik* (*sarmyik*^o) ‘волк; зверь’.

²⁸ Ненецкий текст доступен здесь: <http://www.yamalexpedition.ru/nen/blog-nen/tynziam-pagalpava/>. Текст на русском языке получен с помощью обратного перевода, близкого к ненецкому тексту. Исходная русскоязычная версия текста доступна онлайн по адресу: <http://www.yamalexpedition.ru/ru/blog-ru/izgotovlenie-arkana-odno-iz-letnikh-del-v-tundre/>. Видео, на котором зафиксированы основные стадии изготовления аркана (до плетения и оснащения “сармиком”), доступно здесь: <https://youtu.be/31mccGJpa0A>.

показателя дуратива *-(m)pa*, что можно было бы, на первый взгляд, связать с гипотетической необходимостью образования имперфективного причастия от имперфективного глагола, а поскольку конструкция используется для описания типичных свершений, которым в непроизводной глагольной лексике тундрового ненецкого соответствуют перфективные глаголы, дуративная деривация могла бы обеспечить гипотетически необходимую имперфективацию. Однако, во-первых, имперфективные причастия от дуративных дериватов не могут в составе этой конструкции иметь актуально-длительное прочтение, доступное соответствующим дуративным глаголам в финитных формах, в том числе в неопределённо-личной форме (формально 3 л. мн. ч.); ср. (26) и (27).

(26) *tyuku° myakəna tyedah lyes°ka-m tal°ta-mpyi-doh*
 этот чум.ЛОС сейчас леска-ACC зажарить-DUR.GFS-3PL.S
 ‘В этом чуме сейчас жарят леску’³².

(27) **tyuku° myakəna tyedah lyes°ka tal°ta-mpə-da*
 этот чум.ЛОС сейчас леска зажарить-DUR-PT.IPFV[.3SG]
 Ожидаемое значение: ‘В этом чуме сейчас жарят леску’.

Во-вторых, дуративный показатель обнаруживается в имперфективном причастии в составе имперсональной пассивной конструкции в том числе в единственном известном мне примере, в котором исходный непроизводный глагол имперфективный и обозначает в норме состояние³³ (а не свершение). Это причастие *yaqmi-bə-da* (не мочь-DUR-PT.IPFV), образованное от глагола *yaqmi-bə-* ‘не мочь, быть не в силах делать что-л. (много раз)³⁴, который, в свою очередь, образован от глагола *yaqmə-* ‘не мочь, быть не в силах сделать что-л.’; см. следующий пример.

(28) Тундровый ненецкий
xəbartə ɲin°-xəna yaqmi-bə-da
 лось лук-ЛОС не.мочь-DUR-PT.IPFV[.3SG]
 ‘Лось нельзя убить из лука’ [10, с. 857].

Таким образом, присутствие дуративного показателя в рассматриваемой конструкции зависит, как кажется, не от формальной (им)перфективности исходного глагола, от которого образуется имперфективное причастие. Глагол *yaqmə-* имперфективный³⁵, при этом, несмотря

³² Леска – лепёшка, которую выпекают или жарят в чуме.

³³ Разумеется, выражение отсутствия (внутренней) возможности или способности – это не самое типичное содержание стативного предиката.

³⁴ Такой перевод предлагается в словаре [10, с. 857].

³⁵ Судя по примерам из словаря [10], в отдельных случаях глаголу *yaqmə-* (а не только его инхоативному деривату *yaqmə-l-* ‘не смочь, оказаться не в силах сделать что-л.’, редкому в естественных текстах) соответствует в русских

на свой модальный характер, он, судя по всему, чаще всего выражает способность (точнее, неспособность) с привязкой к по крайней мере некоторым координатам актуального мира, в частности к субъекту, способность которого осуществлять ту или иную деятельность оценивается³⁶. Однако подобная привязка к координатам актуального мира, как отмечалось выше, исключена в рассматриваемой имперсональной пассивной конструкции. По-видимому, дуративный показатель не только в примере (28), но и в стандартных примерах типа (21)–(22), (24) не выполняет наиболее типичной для него функции в составе финитных глаголов, наблюдаемой, например, в (26), а именно введения в рассмотрение срединной фазы процесса, ведущего к результирующему состоянию, вхождение в которое описывается (финитными) формами исходного (непроизводного) глагола; ср. *tal°ta-mpə-* ‘жарить’ < *tal°ta-* ‘зажарить’.

Можно предположить, что во всех случаях функция дуратива в составе имперсональной пассивной конструкции с имперфективным причастием заключается в создании хабитуального (или генерического) предиката, т.е. дуративный показатель выступает своего рода “этикеткой” хабитуального (или генерического) оператора. Этот оператор гарантирует невозможность актуально-длительного прочтения и предположительно по крайней мере отчасти ответственен также за запрет на выражение агенса, поскольку приводит к “стативизации” клаузы³⁷ и требует от ситуации исключительно генерического прочтения. Сама по себе связь дуративного показателя и хабитуальной функции в тундровом ненецком языке, по-видимому, иногда прослеживается и в финитной предикации, хотя и нуждается в специальном изучении; ср. некоторые наблюдения относительно

переводах глагол *смочь*. Это позволяет предположить, что при некоторых условиях формально имперфективный глагол *yaqmə-* может выражать не только модальную способность (ability modality), но и её актуализованную разновидность, известную в литературе начиная с [16]; [17] под ярлыком *actuality entailments*.

³⁶ Ср. типичные контексты из словаря [10], в которых используется глагол *yaqmə-*: “я не могу идти дальше (нет сил)”; “я не могу найти свой нож / свою шапку” и пр. К сожалению, оценить в полной мере отличия дуративного деривата *yaqmi-bə-* от непроизводного глагола не представляется возможным ввиду отсутствия финитных употреблений первого в исследованных корпусах и коллекциях текстов.

³⁷ Я отвлекаюсь здесь от обсуждения потенциальной взаимосвязи “стативизации” и морфо(фоно)логической структуры, а именно наличия в финали основы дуративных глаголов альтернирующего шва; ср. наблюдения о “семантическом ореоле” основ на альтернирующий шва (подкласс *alteration verbs*, по [18]) в [19] и некоторые дискуссионные комментарии в [20].

этой возможности в [15], где, правда, описывается достаточно нестандартная разновидность тундрового ненецкого – говор п. Нельмин-Нос, относимый к (крайнезападному) малоземельскому диалекту.

Если эта линия рассуждения верна³⁸, дуративный показатель в составе обсуждаемой конструкции должен присутствовать обязательно независимо от акциональных характеристик исходного предиката, но аргументация предложенной гипотезы и выявление прочих свойств имперсональной конструкции, в частности допустимости других переходных стативов в ней, несомненно, требуют специального исследования.

Подводя промежуточный итог, можно сказать, что имперсональная пассивная конструкция с имперфективным причастием от глагола с показателем дуратива используется в генерических контекстах, не допускающих выражения конкретного агенса³⁹ и предполагающих, как правило, неререферентный статус пациентивного участника в позиции подлежащего, прежде всего, для описания обычных, типичных действий, инструкций, правил, традиционных порядков и пр.; ср. примеры ниже.

(29) Тундровый ненецкий (с. Антипаюта, Тазовский р-н, ЯНАО)

nyeneu°	nyenesu°h	rəni°-q	tíq	xoba-xət°
настоящий	человек.GEN	одежда-PL	олень.GEN.PL	шкура-ABL.PL
руена-хэт°	tau°-xət°		sədi-bə-da-q	
камус ⁴⁰ -ABL.PL	лоб-ABL.PL		сшить-DUR-PT.IPFV-3PL	

‘Ненецкие одежды шьются из оленьих шкур, камусов, лбов’.

(30) хэн°-h ηæ xarw°-xəd° **myi-mpə-da**
нарта-GEN нога лиственница-ABL построить-DUR-PT.IPFV[.3SG]

‘Ножка нарты делается из лиственницы’.

(31) рəni° to-doh tenc° noy°-xəna
одежда каждый-POSS.3PL сорт сукно-ABL

pad°ta-mpə-da

расшить-DUR-PT.IPFV[.3SG]

‘Ягушка⁴¹ украшается сукном разного цвета’.

(32) Тундровый ненецкий
mərəd°-h sovyet° syidya po-h yolcyən-t°h
город-GEN совет два год-GEN срок-DAT
tera-bə-da

³⁸ Теоретически возможный альтернативный взгляд, при котором с показателем дуратива напрямую связываются имперсональность или пассивность конструкции, представляется малоперспективным, хотя пассивная “семантика” дуративной совершаемости отмечалась, например, в [21] для тазовского селькупского, где такое значение имеют в основном личные формы 3 л. ед. ч.

³⁹ В моём распоряжении нет полной парадигмы отрицательного языкового материала, позволяющей надёжно утверждать, что максимально “обезличенные”, неререферентные агенты, выраженные, например, именными группами в формах мн. ч., также полностью исключены.

⁴⁰ Камус – шкура с голени оленя с коротким и прочным мехом.

⁴¹ Ягушка – женская распашная шуба из оленьей шкуры мехом внутрь и наружу.

выбрать-DUR-PT.IPFV[.3SG]

‘Городской совет избирается сроком на два года’ [10, с. 120].

Данная конструкция может также употребляться в контекстах т.н. потенциального пассива (фасилитатива) (типа ‘легко / хорошо Р’), однако данное значение обычно выражается другими способами⁴².

(33) Тундровый ненецкий (с. Белоярск, Приуральский р-н, ЯНАО)

tyuku°	tola-ηko	pad°r	nyencyel-məna
этот	прочитать-ANTI	бумага	простой-PROL

tola-bə-da

прочитать-DUR-PT.IPFV[.3SG]

‘Эта книга легко читается’.

Заключение

В статье рассмотрены две основные стратегии причастного пассива в тундровом ненецком языке, при одной из которых выражение агенса допустимо, а при другой невозможно. В разделе 3 приведён обзор первой стратегии, которая обсуждается преимущественно на примере конструкции с так называемым перфективным причастием на *-wi / -mi°*, уже отчасти описанной в литературе. Наблюдения над этой конструкцией позволяют отметить ограниченную допустимость в ней пациентивных подлежащих первого и второго лица, что может быть связано с общей чувствительностью тундрового ненецкого к информационно-структурной структуре и дейктическому статусу участников (ср. запрет на индексацию прямого объекта первого и второго лица формами субъектно-объектного “спряжения”, которое также требует топикального статуса пациентивного аргумента). Обсуждается также событийный vs. результирующий характер пассива с перфективным причастием и согласовательные паттерны данной конструкции. В разделе 4 приводятся сведения о второй, обязательно имперсональной, стратегии, которая рассматривается на примере конструкции с так называемым имперфективным причастием на *-tə / -nə*, до этого лишь кратко упоминавшейся в литературе. Причастие в составе этой конструкции образуется от глагола через посредство дуративного показателя, однако она используется в хабитуальных (генерических) контекстах, не допускающих актуально-длительного прочтения и выраженного агенса.

⁴² Ср., в частности, (i), где фигурирует вложенная деепричастная клауза.

(i) Тундровый ненецкий (п. Антипаюта, Тазовский р-н, ЯНАО)

tyuku°	knyiga	tola-bə-b°q	nyencyel
этот	книга	прочитать-DUR-CVB.COND	простой[.3SG]

‘Эта книга читается легко’, букв. эта книга, когда читаешь (её), простая.

Наблюдения над двумя причастными пассивными конструкциями, представленные здесь, разумеется, не исчерпывающи и во многом предварительны, однако они позволяют обратить внимание на некоторые свойства этих конструкций, заслуживающие специального исследования. Рассмотренные конструкции, а также другие причастные конструкции с пассивной или Р-ориентацией в тундровом ненецком языке, представляют интерес как для самоистики, поскольку различия между самодийскими языками в этом фрагменте грамматики весьма существенны даже в инвентаре форм и конструкций, так и для типологии и общей лингвистики, в том числе в контексте исследований согласования, результативности, имперсональности, хабиуталиса и других областей.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

1 – первое лицо, 2 – второе лицо, 3 – третье лицо, AVL – аблатив, ACC – аккузатив, ANTI – антипассив, CAUS – каузатив, CN – коннегатив, CVB – конверб, CVB.COND – условная форма, DAT – датив, DIM – диминутив, DUR – дуратив, GEN – генитив, GFS – общая финитная основа, LOC – локатив, NARR – нарратив (наклонение), NEG – отрицательный глагол, NMLZ.IPFV – имперфективная номинализация, NRL – немножественное число, O – субъектно-объектное “спряжение”, PASS – пассив, PEJ – пейоратив, PL – множественное число, POSS – посессивность, PROL – пролатив, PT.IPFV – имперфективное причастие, PT.FUT – причастие будущего времени, PT.PFV – перфективное причастие, R – рефлексивное “спряжение”, SFS – специальная финитная основа, SG – единственное число, S – субъектное “спряжение”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лабанаускас К.И. (сост.)*. Ненецкий фольклор. Мифы, сказки, исторические предания. (Серия “Фольклор народов Таймыра”. Вып. 5.) Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1995.
2. *Nikolaeva I.* A grammar of Tundra Nenets. (Mouton Grammar Library 65.) Berlin: De Gruyter Mouton, 2014.
3. *Недялков В.П., Яхонтов С.Е.* Типология результативных конструкций // Недялков В.П. (отв. ред.). Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л.: Наука, 1983. С. 5–41.
4. *Jalava L.* Indirectivity and resultativity in Tundra Nenets // *Finnisch-Ugrische Forschungen*. 2014. Bd. 62. P. 207–240.
5. *Шлуинский А.Б.* Типология предикатной множественности: количественные аспектуальные значения. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2005. (Дис. ... канд. филол. наук.)
6. *Шлуинский А.Б.* Фактатив и смежные категории: опыт типологии // *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*. 2012. Т. VIII. Ч. 2. С. 950–996.
7. *Буркова С.И.* К вопросу о базовой грамматической семантике причастий в ненецком языке // *Вопросы языкознания*. 2006. № 4. С. 57–83.
8. *Буркова С.И.* Краткий очерк грамматики тундрового диалекта ненецкого языка (по материалам говоров, распространённых на территории Ямало-Ненецкого округа) // *Буркова С.И., Кошкарёва Н.Б., Лаптандер Р.И., Янгасова Н.М.* Диалектологический словарь ненецкого языка. Екатеринбург: Баско, 2010. С. 179–349.
9. *Salminen T.* Tundra Nenets sample sentence corpus. University of Helsinki, 2014. Available at: http://www.helsinki.fi/~tasalmin/tn_corpus.html.
10. *Терещенко Н.М.* Ненецко-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1965.
11. *Терещенко Н.М.* Материалы и исследования по языку ненцев. М.; Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1956.
12. *Shagal K.* Participles: A typological study. (Empirical Approaches to Language Typology 61.) Berlin: De Gruyter Mouton, 2019.
13. *Leisiö L.* Passive in Nganasan // *Abraham W., Leisiö L. (eds.)*. Passivization and typology: Form and function. (Typological Studies in Language 68.) Amsterdam: John Benjamins, 2006. P. 213–230.
14. *Шлуинский А.Б.* Конструкции с предикативным причастием в лесном диалекте энецкого языка // *Лютикова Е.А., Циммерлинг А.В. (ред.)*. Типология морфосинтаксических параметров. Вып. 4. Материалы международной конференции “Типология морфосинтаксических параметров”. М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2017. С. 146–160.
15. *Иосад П.В., Пазельская А.Г., Цюрупа М.А.* Типологически значимые параметры глагольной лексики: имперфективирующие деривации ненецкого языка // *Подлеская В.И., Архипов А.В., Ландер Ю.А. (ред.)*. Четвёртая типологическая школа: Международная школа по лингвистической типологии и антропологии. Ереван, 21–28 сентября 2005 г. Материалы лекций и семинаров. М., 2005. С. 171–177.
16. *Bhatt R.* Covert modality in non-finite contexts. Philadelphia: University of Pennsylvania, 1999. (PhD thesis.)

17. *Bhatt R.* Ability modals and their actuality entailments // Shahin K.N., Blake S., Kim E.-S. (eds.). WCCFL 17: The proceedings of the seventeenth West Coast Conference on Formal Linguistics. Stanford: CSLI Publications, 1999. P. 74–87.
18. *Salminen T.* A morphological dictionary of Tundra Nenets. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. Vol. XXVI.) (Publications of the Databank for Endangered Finno-Ugrian Languages. Vol. 3.) Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1998.
19. *Урманчиева А.Ю.* Образование форм аориста в самодийских языках // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2013. Т. IX. Ч. 2. С. 734–767.
20. *Тамевосов С.Г.* Событийно-структурная морфология в ненецком языке // Rhema. Рема. 2018. № 3. С. 88–118.
21. *Кузнецова А.И., Хелимский Е.А., Грушкина Е.В.* Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т. I. М.: Издательство Московского университета, 1980.
- Grammatical Semantics of Participles in the Nenets Language]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language]. 2006, No. 4, pp. 57–83. (In Russ.)
8. *Burkova, S.I.* *Kratkij ocherk grammatiki tundrovogo dialekta nenetskogo yazyka (po materialam govorov, rasprostranyonnykh na territorii Yamalo-Nenetskogo okruga)* [The Tundra Dialect of the Nenets Language: an Outline of Grammar (Based on the Materials of Yamalo-Nenets Okrug Dialects)]. Burkova, S.I., Koshkaryova, N.B., Laptander, R.I., Yangasova, N.M. *Dialektologicheskij slovar nenetskogo yazyka* [A Dialectological Dictionary of the Nenets Language]. Ekaterinburg, Basko Publ., 2010, pp. 179–349. (In Russ.)
9. *Salminen, T.* Tundra Nenets sample sentence corpus. University of Helsinki, 2014. Available at: http://www.helsinki.fi/~tasalmin/tn_corpus.html
10. *Tereshchenko, N.M.* *Nenetsko-russkij slovar* [A Nenets-Russian Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1965. (In Russ.)
11. *Tereshchenko, N.M.* *Materialy i issledovaniya po yazyku nentsev* [Materials and Research on the Nenets People's Language]. Moscow; Leningrad, Izdatelstvo Akademii nauk SSSR Publ., 1956. (In Russ.)

REFERENCES

1. *Labanauskas, K.I.* (comp.). *Nenetskij folklor. Mify, skazki, istoricheskie predaniya* [Nenets Folklore. Myths, Fairy Tales, Historical Legends]. (Series “Folklore of the Peoples of Taymyr”. Issue 5.) Krasnoyarsk, Krasnoyarskoe knizhnoe izdatelstvo Publ., 1995. (In Russ.)
2. *Nikolaeva, I.* *A grammar of Tundra Nenets.* (Mouton Grammar Library 65.) Berlin, De Gruyter Mouton, 2014.
3. *Nedyalkov, V.P., Yakhontov, S.E.* *Tipologiya rezultativnykh konstruksij* [A Typology of Resultative Constructions]. *Tipologiya rezultativnykh konstruksij (rezultativ, stativ, passiv, perfekt)* [A Typology of Resultative Constructions (Resultative, Stative, Passive, Perfect)], ed. by Nedyalkov. Leningrad, Nauka Publ., 1983, pp. 5–41. (In Russ.)
4. *Jalava, L.* Indirectivity and resultativity in Tundra Nenets. *Finnisch-Ugrische Forschungen.* 2014. Bd. 62. P. 207–240.
5. *Shluinsky, A.B.* *Tipologiya predikatnoj mnozhestvennosti: kolichestvennye aspektualnye znacheniya* [A Typology of Pluractionality: Quantitative Aspectual Meanings]. Moscow, Lomonosov Moscow State University, 2005. (PhD thesis.) (In Russ.)
6. *Shluinsky, A.B.* *Faktativ i smezhnye kategorii: opyt tipologii* [Factative and Adjacent Grams: a Tentative Typology]. *Acta linguistica Petropolitana* [Transactions of the Institute for Linguistic Studies]. 2012, Vol. VIII, part 2, pp. 950–996. (In Russ.)
7. *Burkova, S.I.* *K voprosu o bazovoj grammaticheskoy semantike prichastij v nenetskom yazyke* [On the Basic
12. *Shagal, K.* *Participles: A typological study.* (Empirical Approaches to Language Typology 61.) Berlin, De Gruyter Mouton, 2019.
13. *Leisiö, L.* Passive in Nganasan. *Passivization and typology: Form and function*, ed. by Abraham, W., Leisiö, L. (Typological Studies in Language 68.) Amsterdam, John Benjamins, 2006. P. 213–230.
14. *Shluinsky, A.B.* *Konstruksii c predikativnym prichastiem v lesnom dialekte enetskogo yazyka* [Constructions with a Predicative Participle in Forest Enets]. *Lyutikova, E.A., Zimmerling, A.B.* (Eds.). *Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov. Vyp. 4. Materialy mezhdunarodnoj konferentsii “Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov”* [Typology of Morphosyntactic Parameters. Issue 4. Proceedings of the International Conference “Typology of Morphosyntactic Parameters”]. Moscow, The Pushkin State Russian Language Publ., 2017, pp. 146–160. (In Russ.)
15. *Iosad, P.V., Pazelskaya, A.G., Tsyurupa, M.A.* *Tipologicheski znachimye parametry glagolnoj leksiki: imperfektiviruyushchie derivatsii nenetskogo yazyka* [Typologically Relevant Parameters of Verbal Lexicon: Nenets Imperfectivizing Derivations]. *Chetvyortaya tipologicheskaya shkola: Mezhdunarodnaya shkola po lingvisticheskoy tipologii i antropologii. Erevan, 21–28 sentyabrya 2005 g. Materialy lektsij i seminarov* [Fourth School on Typology: International School on Linguistic Typology and Anthropology. Yerevan, 21–28 September, 2005. Lectures and Seminars], ed. by Podlesskaya, V.I., Arkhipov, A.V., Lander, Yu.A. Moscow, 2005, pp. 171–177. (In Russ.)

16. Bhatt, R. *Covert modality in non-finite contexts*. Philadelphia, University of Pennsylvania, 1999. (PhD thesis.)
17. Bhatt, R. Ability modals and their actuality entailments. *WCCFL 17: The proceedings of the seventeenth West Coast Conference on Formal Linguistics*, ed. by Shahin, K.N., Blake, S., Kim, E.-S. Stanford, CSLI Publications, 1999. P. 74–87.
18. Salminen, T. *A morphological dictionary of Tundra Nenets*. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. Vol. XXVI.) (Publications of the Databank for Endangered Finno-Ugrian Languages. Vol. 3.) Helsinki, Suomalais-Ugrilainen Seura, 1998.
19. Urmanchieva, A.Yu. *Obrazovanie form aorista v samodijskikh yazykakh* [Aorist Formation in Samoyedic Languages]. *Acta linguistica Petropolitana* [Transactions of the Institute for Linguistic Studies]. 2013, Vol. IX, part 2, pp. 734–767. (In Russ.)
20. Tatevosov, S.G. *Sobytijno-strukturnaya morfologiya v nenetskom yazyke* [Event-Structural Morphology in Tundra Nenets]. *Rhema. Рема*. 2018, No. 3, pp. 88–118. (In Russ.)
21. Kuznetsova, A.I., Helimski, E.A., Grushkina, E.V. *Ocherki po selkupskomu yazyku. Tazovskij dialekt* [Essays on the Selkup Language. Taz Dialect]. Vol. I. Moscow, Moscow State University Publ., 1980. (In Russ.)

*Дата поступления материала в редакцию: 10 мая 2022 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 31 мая 2022 г.
Статья принята к публикации: 29 июня 2022 г.
Дата публикации: 31 августа 2022 г.*

*Received by Editor on May 10, 2022
Revised on May 31, 2022
Accepted on June 29, 2022
Date of publication: August 31, 2022*